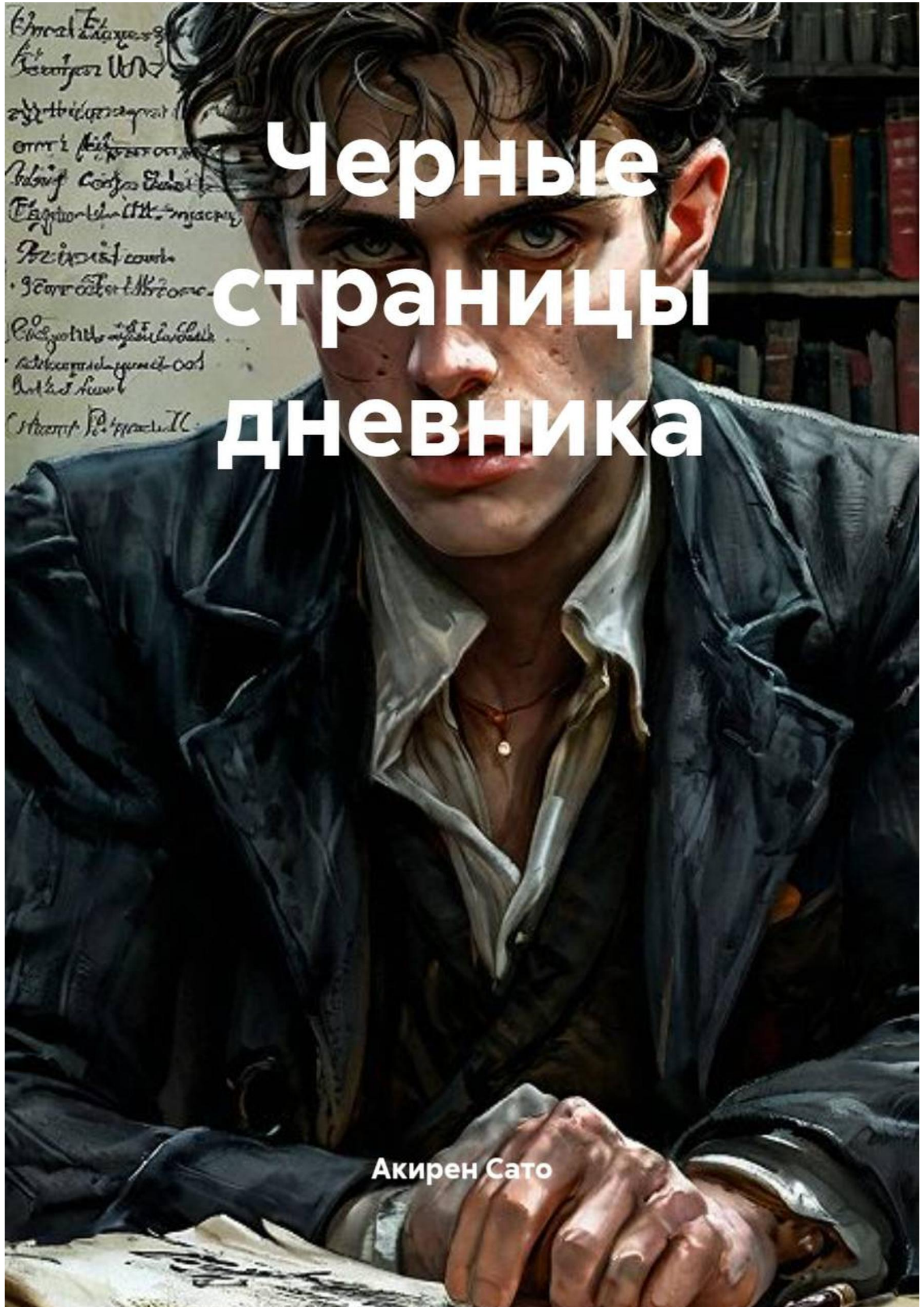

Черные страницы дневника

Акирен Сато

Акирен Сато

Черные страницы дневника

«Автор»

2026

Сато А.

Черные страницы дневника / А. Сато — «Автор», 2026

«Чёрные страницы дневника» — психологический хоррор о редакторе Максиме, который покупает старинный дневник: тот сам пишет пугающие фразы, угадывает потаённые страхи и манипулирует поступками героя. В поисках спасения Максим объединяется с архивариусом Виктором Семёновичем и Кирой — они выясняют, что дневник питается молчанием и виной. Чтобы победить его, Максиму нужно вслух произнести самую болезненную правду. Ему это удаётся — дневник теряет силу, но последняя фраза на странице намекает: похожие проклятые вещи есть и в других руках.

© Сато А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Акирен Сато

Черные страницы дневника

I

Дождь барабанил по витринам, размывая огни улицы до тусклых пятен. Максим шёл, опустив голову, и старался не смотреть на отражения в стёклах — в последнее время ему казалось, что за ним кто-то наблюдает. Не в смысле «кто-то реальный», а так, как бывает, когда слишком долго сидишь один: начинаешь ловить краем глаза движение там, где его быть не может, и вздрагивать от скрипа половиц. Он сам не знал, зачем свернул в этот переулок. Здесь пахло пылью и старым деревом, а витрины были заставлены вещами, которым место либо в музее, либо на свалке. Но одна лавка притягивала взгляд: тусклый свет лампы падал на полки, где вперемешку стояли фарфоровые статуэтки, стопки пожелтевших открыток и латунные безделушки. Над дверью висела вывеска: «Вещи с историей». Максим хмыкнул про себя — звучало как обещание, которое никто не обязан исполнять. Внутри было тихо. Даже дождь здесь будто приглушался, становясь далёким шелестом. За прилавком сидела пожилая женщина в тёмном кардигане. Она не подняла глаз сразу — будто знала, что покупатель должен сначала «осесть» в этой тишине. — Добрый вечер, — тихо сказал Максим, сам удивившись, насколько осторожно прозвучал его голос. Женщина наконец посмотрела на него. В её взгляде не было ни удивления, ни особой приветливости — скорее спокойное ожидание, будто она давно знала, что он сюда зайдёт. — Вы не из этих мест, — произнесла она не как вопрос, а как констатацию. Максим пожал плечами: — Просто гулял. Увидел лавку... Захотелось зайти. Она кивнула, словно это всё объясняло. — У меня тут много лишнего. Если ищете что-то конкретное — скажите. Если нет — просто посмотрите. Иногда вещи сами находят тех, кому нужны. Максим усмехнулся, но без насмешки — скорее от неловкости. Ему не хотелось признаваться, что он и правда пришёл без цели, просто чтобы на время перестать думать о том, что дома его ждёт тишина, которая в последнее время стала слишком громкой. Он медленно пошёл вдоль полок, скользя пальцами по корешкам старых книг, по холодным спинкам статуэток. Всё это казалось чужим и в то же время странно знакомым — как вещи из снов, где ты ходишь по дому, который никогда не видел, но точно знаешь, где тут кухня, а где лестница. В глубине лавки, на отдельной полке, стоял предмет, который сразу выделялся. Не блеском и не размером, а тем, как на нём лежал свет. Это был дневник в тёмнобордовом переплёте, с потускневшей латунной застёжкой. Кожа была потёртая, углы слегка смяты, будто его долго носили в кармане. На обложке не было ни названия, ни имени владельца — только едва заметная гравировка: витой узор, похожий на завиток дыма. Максим потянулся к нему, не сразу осознав, что уже решил его взять. Пальцы коснулись кожи — она была тёплой, почти живой. Он открыл застёжку. Страницы внутри были почти чистыми. Лишь кое-где виднелись бледные следы стёртого текста — словно кто-то пытался стереть свою историю, но бумага не хотела её отпускать. — Этот, — сказал он, сам не понимая, почему звучит так твёрдо. Хозяйка лавки подошла ближе, посмотрела на дневник, потом снова на Максима. В её глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление, но она тут же спрятала это за привычной невозмутимостью. — Он непростой, — сказала она спокойно. Максим замер, пальцы всё ещё сжимали обложку. — В смысле? — Такие вещи не просто хранят слова. Они... прислушиваются. И иногда отвечают. Максим хотел пошутить, сказать что-то вроде «ну, тогда он точно мне подойдёт — мне как раз не хватает собеседника», но шутка застряла в гортани. В лавке вдруг стало тише, будто даже пыль перестала кружиться в луче света. — Я возьму его, — повторил он, уже не пытаясь казаться равнодушным. Женщина вздохнула, будто принимая неизбежное, и назвала цену — небольшую, почти символическую.

Максим расплатился, сунул дневник в карман и вышел, чувствуя, как тяжёлый угол упирается ему в бедро. На улице дождь почти стих. Воздух был свежим, но Максим не чувствовал облегчения. Наоборот, ему казалось, что тишина теперь стала плотнее, будто что-то в ней изменилось. Он достал дневник, чтобы ещё раз взглянуть на него, и на секунду ему почудилось, что витой узор на обложке чуть сдвинулся, словно дышал. «Глупости», — пробормотал он себе под нос и зашагал прочь, стараясь не оглядываться. Дома он поставил чайник, сел за стол и снова открыл дневник. Страницы попрежнему были почти чистыми. Только на одной, ближе к середине, появилась короткая фраза, написанная незнакомым почерком — аккуратным, но каким-то угловатым, будто буквы старались не касаться друг друга: «Сегодня ты вернулся другим». Максим замер. Он точно помнил, что, когда листал дневник в лавке, там не было ни строчки. Или... он просто не заметил? Он провёл пальцем по буквам. Чернила были сухими, но свежими — не старыми, не выцветшими, а такими, будто их вывели минуту назад. За окном тихо щёлкнуло — будто кто-то повернул ручку двери, которой в квартире не было. Максим закрыл дневник, но не убрал его. Просто посидел, глядя на бордовую обложку, пока чайник не начал свистеть, напоминая, что мир всё ещё состоит из обычных вещей: кипятка, чашек, вечернего света за окном.

Но когда он наконец налил себе чай, ему показалось, что в комнате стало темнее. И что в этой темноте кто-то очень внимательно читает то, что ещё не написано.

II

Максим проснулся резко, будто кто-то дёрнул его за плечо. В комнате было темно, только тонкая полоска света от уличного фонаря ложилась на пол, словно лезвие. Он не сразу понял, что его разбудило. Тишина стояла такая плотная, что казалось, будто город на секунду перестал дышать. Потом он услышал это снова: тихий, едва уловимый шорох — будто кто-то водил карандашом по бумаге. Он сел на кровати, вглядываясь в темноту. На столе лежал дневник — тёмный прямоугольник на фоне бледного дерева. Максим не помнил, чтобы оставлял его открытым. Но сейчас обложка была откинута, страницы чуть развёрнуты, как будто кто-то только что перестал читать. Сердце забилось быстрее, и Максим сам себя одернул: «Ты просто забыл закрыть. Или сквозняк». Он встал, подошёл к столу, стараясь не шуметь, будто боялся спугнуть тишину. Пальцы коснулись обложки — она снова была тёплой, неестественно тёплой, будто лежала на батарее. Максим склонился над страницами. И в тот момент, когда глаза привыкли к полумраку, он увидел новые слова. Они были написаны тем же угловатым почерком, буквы стояли ровно, но будто старались не касаться друг друга: «Не включай свет. Он всё равно не поможет». Максим замер. Он точно знал: вчера вечером, когда он в панике захлопнул дневник и убрал его в ящик, там не было этих строк. Он помнил каждую строчку, каждую пустую страницу — он их пересчитывал, будто это могло что-то изменить. «Это невозможно, — подумал он. — Чернила не высыхают за пару часов. И никто не мог сюда зайти». Он оглянулся на дверь. Замок был закрыт, цепочка на месте. Окно тоже не тронута — стёкла чуть запотели от ночной сырости, но ни царапины, ни следа. И всё же слова были здесь. И они знали, что он собирается сделать. Максим сжал край стола, пытаясь вернуть себе ощущение реальности. «Это шутка. Кто-то подстроил. Может, хозяйка лавки... или кто-то из знакомых, кто знает, что я туда заходил». Но эта мысль звучала слабо, почти жалко. Никто не знал, что он купил дневник. Он никому не сказал. Даже не записал в заметки. Он снова посмотрел на страницу. И вдруг заметил ещё одну строчку — мелким, почти неразборчивым почерком внизу, будто её добавили позже, когда основная фраза уже высохла: «Ты ведь тоже иногда шепчешь в темноте, чтобы не быть одному». От этих слов по спине пробежал холод. Это было слишком личное. Не просто угадывание, а знание. Максим действительно иногда бормотал что-то в темноте — короткие, бессмысленные фразы, чтобы услышать собственный голос, чтобы убедиться, что он ещё здесь. Он никогда никому об этом не рассказывал. Даже в шутку. Рука сама потянулась к выключателю. Ему вдруг стало невыносимо оставаться в этой тишине, где слова появлялись без разрешения. Щёлкнул выключатель, и комната наполнилась резким, слишком ярким светом. Дневник на столе будто потемнел, кожа переплёта стала почти чёрной, а латунная застёжка тускло блеснула, как глаз. Максим перевернул страницу. На следующем листе тоже появилась запись — короткая, но от неё стало ещё страшнее: «Теперь ты знаешь: он не просто пишет о тебе. Он пишет за тебя». Максим резко захлопнул дневник. Звук получился неожиданно громким, как хлопок двери в пустой квартире. Он отступил на шаг, будто вещь могла прыгнуть за ним, схватить за запястье, заставить прочитать ещё хоть одну строчку. Но дневник лежал спокойно. Без движения. Как самая обычная старая вещь. «Нужно избавиться от него, — твёрдо сказал себе Максим, и собственный голос прозвучал непривычно громко в этой квартире. — Прямо сейчас. Выбросить. Сжечь. Что угодно, лишь бы не видеть эти слова». Он схватил дневник, сунул его в пакет, который нашёл в ящике, и начал одеваться, стараясь не смотреть на вещь в пакете. Пальцы дрожали, и он злился на себя за это. «Это просто бумага и кожа. Просто чья-то старая привычка записывать мысли. Ничего больше». Через десять минут он уже шёл по тёмному двору, мимо гаражей и мусорных баков. Ветер трепал капюшон, и где-то вдалеке лаяла собака. Максим остановился у большого контейнера, поднял пакет, собираясь бросить его внутрь. Секунду он колебался. Что-то внутри подсказывало: не делай этого. Как будто тихий

голос шептал: «Оставь. Он нужен тебе». Максим стиснул зубы. Это уже не его голос. Это то, что дневник пытается сделать с ним. Он разжал пальцы. Пакет упал в контейнер с глухим стуком. Максим постоял ещё мгновение, глядя, как ветер шевелит край пакета, потом резко развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Дома он долго стоял под горячим душем, смывая с себя ощущение чужого взгляда. Потом заварил крепкий кофе и сел на кухне, уставившись в окно, где постепенно светлело небо. Ему хотелось, чтобы утро было обычным. Чтобы день начался с чего-то нормального: звонка, письма, даже рекламы в телефоне. Чего-то, что не шепчет из темноты. Когда кофе остыл, Максим встал, чтобы убрать чашку. И только тогда заметил на столе, прямо посередине столешницы, тёмнобордовую обложку. Дневник лежал ровно, аккуратно, будто его специально положили так, чтобы Максим сразу его увидел. Пакет был в контейнере. Он сам его туда бросил. Он не возвращался. Никто не мог его достать. Максим медленно протянул руку и коснулся обложки. Она была тёплой. На открытой странице белела новая фраза, написанная тем же чужим почерком: «Я же говорил: не поможет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.